

Научная статья

УДК 811.161.1(с173): 81'1

5.9.5. Русский язык. Языки народов России.

<https://doi.org/10.17021/2712-9519-2025-3-15-23>

ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА В РУССКИХ ОРЕНБУРГСКИХ ГОВОРАХ

Елена Николаевна Бекасова

Оренбургский государственный педагогический университет, г. Оренбург, Россия

bekasova@mail.ru

Аннотация. Становление и развитие русских говоров на территории Оренбуржья осложнялось не только отрывом от материнских говоров и межславянским взаимодействием, но и контактированием с тюркскими и финно-угорскими языками. При этом новые природные условия обусловливали тесное социальное, хозяйственное и языковое взаимодействие проживающих рядом этносов, что отражалось на становлении новой диалектной картины мира. Накопленный почти за двести лет диалектный материал, начиная от пребывания В.И. Даля на территории Оренбургской губернии, позволяет в определённой степени реконструировать специфику диалектной картины мира в её территориальном разнообразии и в изменении регистров сохранности или трансформации картины мира во внутриязыковом и межязыковом взаимодействии. Наиболее устойчивыми в этом плане являются диалектные системы казачества в связи с особенностями их менталитета и жизненного уклада. Остальная часть переселенцев оказывалась, судя по лексикографическим данным фиксации оренбургской диалектной лексики, в более тесных связях с формирующимся оренбургским сообществом, что позволяет исследовать не только специфику контактирования славянских и неславянских диалектов, но и определить особенности заполнения языковых лакун в новой диалектной картине мира и механизмы семантической дифференциации.

Ключевые слова: вторичные говоры, языковая картина мира, русские оренбургские говоры, В.И. Даев, Б.А. Моисеев, межязыковые и междиалектные контакты, лексические заимствования

Для цитирования: Бекасова Е.Н. Об особенностях языковой картины мира в русских оренбургских говорах // Лингвистика и образование. 2025. Том 5. №3. С. 15-23.
<https://doi.org/10.17021/2712-9519-2025-3-15-23>

Original article

ON THE PECULIARITIES OF THE LANGUAGE PICTURE OF THE WORLD IN RUSSIAN ORENBURG DIALECTS

Elena N. Bekasova

Orenburg State Pedagogical University, Orenburg, Russia

bekasova@mail.ru

Abstract. The formation and development of Russian dialects on the territory of the Orenburg region was complicated not only by separation from maternal dialects and inter-Slavic interaction, but also by contact with Turkic and Finno-Ugric languages. At the same time, new natural conditions determined the close social, economic and linguistic interaction of ethnic groups living nearby, which in a certain way affected the formation of a new dialect picture of the world. The dialect material accumulated in almost two hundred years, starting from the stay of V.I. Dahl in

the territory of the Orenburg province, allows to a certain extent to reconstruct the specifics of the dialect picture of the world in its territorial diversity in changes in the registers of preservation or changes in the picture of the world in intralanguage and interlanguage interaction. The most stable in this regard are the dialect systems of the Cossacks in connection with the peculiarities of their mentality and lifestyle. The rest of the immigrants, judging by the lexicographic fixation of the Orenburg dialect vocabulary, found themselves in closer ties with the emerging Orenburg community, which makes it possible to study not only the specifics of contacting Slavic and non-Slavic dialects, but also to determine the specifics of filling language gaps in the new dialect picture of the world and the mechanisms of semantic differentiation.

Keywords: secondary dialects, language picture of the world, Russian Orenburg dialects, V.I. Dal, B.A. Moiseev, interlanguage and interdialect contacts, lexical borrowings

For citation: Bekasova E.N. On the peculiarities of the language picture of the world in Russian orenburg dialects, Linguistics & education, 2025. Vol. 5. No. 3. Pp. 15-23. <https://doi.org/10.17021/2712-9519-2025-3-15-23>

Введение

Системное описание языка во времени и пространстве обуславливает актуальность исследований исторической изменчивости организации и параметров страт, их взаимодействие и реакции на действие экстралингвистических факторов. В этом аспекте особую значимость приобретает изучение национальной картины мира, в том числе и русской диалектной картины мира, которая «не может быть полностью тождественной в силу территориальной разобщенности диалектов, различий исторических условий их формирования, различий природных, климатических условий и т. д.» [1, с. 258], но именно поэтому она представляет особую лингвокультурную ценность, особенно в условиях исчезающих диалектных систем.

В таком направлении необходимо обратить внимание на наименее изученные, в том числе в русле современной лингвистической парадигмы, территории позднего заселения, к которым относится Оренбургская область [2]. Актуальность данного исследования также обусловлена тем, что в других субъектах Российской Федерации подобная работа на лингвокраеведческом материале активно ведётся на протяжении последних десятилетий, что позволило член-корреспонденту РАН, редактору «Словаря русских народных говоров» С.А. Мызникову определить такое положение в лингвистической науке как «региональный взрыв» [3]. Однако на данном этапе территории, прославленная в изысканиях В.И. Даля, нуждается в научной и общественной реабилитации.

В связи с этим цель статьи заключается в выявлении специфики русской диалектной картины мира на территории Оренбуржья, обусловленной особенностями формирования и развития вторичных говоров русского языка в условиях культурно-исторического влияния в результате интенсивных междиалектных и межъязыковых контактов. В соответствии с целью был избран материал лингвистического анализа, к которому следует отнести труды П.И. Рычкова, зафиксировавшие ряд историко-культурных и языковых явлений Оренбургской губернии [4, с. 22–30; 5, с. 185–200]; «Толковый словарь живого великорусского языка» В.И. Даля; заметки и научные статьи по изучению языкового ландшафта Оренбуржья XIX–XXI вв.; лексикографические данные

словарей, включающих материал русских оренбургских говоров [6; 7]; полевые данные обследования лингвистического пространства Оренбургской области (более 8,5 тыс. единиц, собранных с 2003 г. студентами филологического факультета Оренбургского государственного педагогического университета под руководством автора статьи во время учебной диалектологической практики).

Методологической основой исследования стали работы по изучению языкового пространства Л.И. Баранниковой, Е.Л. Березович, А.С. Герда, Т.И. Вендиной, А.К. Матвеева, С.А. Мызникова и др. Использование разработанного комплексного подхода к изучению культурно-исторического и языкового пространства региона позволяет проследить специфику регистров организации системы русского языка и её специфику в синхронии и диахронии на определённой территории [4; 5].

Основные результаты исследования

Оренбуржье представляет относительно молодой регион, который пережил серьёзные языковые потрясения, связанные как с его обширностью и положением на границе Российской империи, так и с особенностями заселения. Определённая доступность для лингвистического изучения в связи с дошедшими до нас сведениями и, особенно с деятельностью В.И. Даля, позволяет определить значимость Оренбуржья в лингвокраеведческом аспекте (см. работы [3; 4; 5; 6; 8; 10]). В этом случае затруднения в исследованиях языкового пространства Оренбуржья вызывают не только определённые лакуны в изучении данной территории, появляющиеся практически почти каждые 50 лет (от Рычкова до Даля, вторая половина XIX в., первая половина XX в.), но и сложная языковая ситуация, которая, с одной стороны, характеризуется формированием гетерогенных систем вторичных оренбургских русских говоров, их контактированием с родственными и неродственными системами говоров, а с другой стороны, влиянием просторечия и литературного языка, что своеобразно преломлялось в недостаточно устойчивой системе говоров территорий позднего заселения. Следует отметить, что характерные для Оренбургской губернии признаки языковой ситуации наблюдаются и в XXI в. [2].

Наиболее существенным представляется тот факт, что достаточно развёрнутая научно корректная картина языковой ситуации Оренбургской губернии в один из важных моментов её развития была зафиксирована В.И. Далем и некоторые из его рассуждений, почти на век обогнавших лингвистические исследования в этой области, касаются непосредственно Оренбургской губернии [5, с. 33–40]. В.И. Даль первым отмечает разнообразие и гетерогенную основу говоров русских переселенцев в Оренбуржье, описывает специфику говора оренбургского казачества [11, с. LXXIII], определяет тенденции интерференции контактирующих говоров, которые проявляются в речи молодого поколения [11, с. LI]. В частности, он указывает на престижность казачьих говоров среди крестьянского населения, что было подтверждено через 60 лет пребывания В.И. Даля в Оренбургской губернии Д.К. Зелениным при описании казачьих говоров Благословенного и Нежинки

[12, с. 237]. Следы таких особенностей казачьих говоров фиксируются и в работах Б.А. Моисеева, который описывает взаимодействия окающих говоров оренбургского казачества с акающими говорами высланных в Оренбуржье донских казаков [6, с. 7-10]. Однако казачьи говоры, даже в условиях конкуренции и возможности их смешения, не допускали языковые элементы соседствующих крестьянских говоров, независимо от их первоначальной прикреплённости. В свою очередь крестьянские говоры, судя по исследованиям Б.А. Моисеева частной системы вторичного говора «мужицкой» Саратовки [6, с. 8], оказываются более лояльными к иноязычным системам – тюркским и финно-угорским.

Описания изменений систем казачьих говоров предоставляют богатый материал для определения казачества как особого сословия, достаточно замкнутого, но весьма престижного для крестьянства в условиях приграничных территорий. Такое положение казачества формирует особое осмысление мира, без бытовых заимствований соседствующих русских крестьян и иноверцев, но с внедрением тех элементов, которые нужны были служилому сословию, осваивающему территории до Каспийского моря, а во время походов – до Парижа, при этом языковая картина мира чётко дифференцируется по гендерному признаку [5, с. 34-37].

Историко-культурные регистры диалектного пространства Оренбуржья показывают специфику традиционного быта и его изменений во времени, а также определённую устойчивость вплоть до 50-60-х годов XX в. и дают основание считать, что в настоящее время имеются возможности дальнейших исследований данного языкового феномена [10].

В оренбургских говорах в складывающуюся на новом месте картину мира добавляются или номинации новых реалий и их осмысление, или необходимые заимствования из тюркских и финно-угорских языков, которые закрывают возникшие лакуны. Об этом свидетельствуют прежде всего словари Б.А. Моисеева и Н.М. Малечи, в которых проявляются не только культурно-исторические слои, но и отражаются следы межъязыкового контактирования. Показательно в этом плане преобразование языковой картины мира за счёт перестройки языкового пространства, связанного с изменениями физико-географических и этнических особенностей региона. С одной стороны, уходят или изменяют свои значения те слова, которые были свойственны исходной территории, например, из многочисленных наименований *брусники* и связанных с ней названий в оренбургских говорах фиксируется только *бруснига*; с другой стороны, при сохранении части номинаций традиционного рыболовства широко представлены термины багрец [4, с. 43–45] – одного из главных промыслов служивого казачества [13].

Надо отметить, что именно лексическая составляющая позволяет выявить культурно-исторические регистры формирования и развития языковой картины мира переселенцев. В частности, известный филолог А.М. Панченко утверждал, что культурно-ментальный фон «слагается из “прописей”, из принятых каждой социальной и культурной формацией аксиом, трактующих о добре и зле, о жизни и смерти, о прекрасном и безобразном, определяющих поведенческие

структур, нравственные и эстетические запреты и рекомендации» [14, с. 83]. Для Оренбуржья такими «прописями» становится способность усвоить культурные ценности соседнего народа, что начинается с уважения к его образу жизни и мировоззрению, а затем продолжается во встраивании определенных понятий в собственную языковую картину мира.

Прежде всего надо отметить контакты оказавшихся рядом народов в бытовой и хозяйственной сферах. Например, в новых условиях оказались востребованы тюркские номинации животных. В первую очередь это касается верблюдоводства, которое было распространено в Оренбуржье вплоть до второй половины XX в., о чем свидетельствуют слова тюркского происхождения называющие разновидности верблюдов и их детёнышей (*куспак, илюк, каспак, коспак, бута, бутак, бутакан, башмач, дюнен, дюнен огуз* и др.), а также появление своеобразных трансплантов (гетерогенов) типа *одночокий верблюд* (верблюд с одним горбом), *двучокий верблюд* (двугорбый верблюд).

Широко представлены названия лошадей, коров, овец, указывающие не только на возраст, но и – главное – на происхождение скота, например: *адаевская лошадь* (адайская лошадь) – казахская порода лошадей, отличающихся мелким ростом и большой выносливостью. *Раньше киргизы продавали адаевских лошадей. Адайские лошади дикие, как звери, и бегаютально быстро* [6, с. 22]; *башмак, басмак, башмач* – бычок в возрасте одного года. *Если один год быку, то называют башмаком. В этом году мы два башмача держали.* (В каз. яз. *баспак* – теленок к первой осени.; в баш. яз. *башмак* – годовалая тёлка) [6, с. 33]; *дюнен* – 1. Бык в возрасте четырёх лет. *Когда быку четыре года, то говорят дюнен.* (В каз. яз. *дюнен огуз* – бык с четвёртой весны [6, с. 104]; *кунан* – 1. Бык трёх лет. *Кунан трёхлетний бывает.* Молодая лошадь в возрасте трёх лет. *На кунане не работают, он необученный, он пока так бегает* [6, с. 200]. Надо отметить, что для быков, используемых в сельскохозяйственных работах, фиксируются только исконные номинации, например: *корневой бык* – бык, запрягаемый в корень (один плуг). *В корневые быки выбираем лучших быков* [6, с. 178]; *колесневой (колеиневый) бык* – бык, запрягаемый в плуг в первой (от плуга) паре. *Это лучшие быки, самые сильные и умные* [6, с. 200]; *подрушиной бык* – бык, запряженный в плуг со стороны погонщика (под рукой погонщика). *Подрушиной бык идёт по непаханой земле* [6, с. 341] и под.

«Прирастание» языковой картины мира активно происходит за счёт номинаций традиционных тюркских кушаний, присвоение которых подтверждается иллюстративным материалом «Оренбургского областного словаря» Б.А. Моисеева, например: «*зюрьма* – 1. Жидкая каша из пшеничной муки. *Зюрьму башкиры любят, русские тоже её варят.* 2. Лапша из раскатанного и порезанного на кусочки теста. *Зюрьму мы варили обычно вечером*» [6, с. 52]; «*сарса / сарца* – вид сухого сыра, приготовленного из кислого молока. *Сарсу делают русские и киргизы, она сладкая, вкусная, её с чаем пьют*» [6, с. 153]. Особенно показательным является присвоение национального блюда *кужес* в деминутивной антрополексеме *кузя*: «*Кузю варили: пшено и молоко*», «*Пшённая каша с последнего вида молока (прокисшего) называется кузя*» [6, с. 196].

Следует также отметить номинацию «бижбармак», которая, судя по записи рассуждений информантов, показывает процесс угощения национальными блюдами людей разной национальности, находящихся в близких и дружеских отношениях [6, с. 21-22, 23, 79]. Вхождение таких номинаций в диалектную картину мира доказывается номинациям прозвищного характера для русских переселенцев, например: «*Верхнегумбетцы* (жители с. Верхний Гумбет) называют нас *саламатники*, а мы их *дразним черносливниками*» [6, с. 399].

За счёт заимствований в диалектах происходит свойственная им из-за «низкой парадигматической экономии» [15, с. 534] дифференциация реалий жизни, например: *тамыр* (друг), *тамырство* (дружба), *тамырить* (дружить с казахами): «*Они были с ним тамыры*», «*Тот киргизин был моим тамыром, он ко мне ездил, а я к нему*» [6, с. 440]; *бурить*, *буриться*, *разбуриться* – 1. О верблюде (о буре, см. бура): находиться в возбуждённом состоянии в период случки. *Верблюды бурятся весной. Верблюд разбурился, теперь не поймаешь*. 2. *Перен.* о человеке: бушевать, разбушеваться, дебоширить. *Зашёл к нему, а он так разбурился! Придёт пьяный и начинает бурить, семье покоя не дает. Не бури больно, как верблюд* [6, с. 51]; *курдюк* – 1. Жировое отложение у хвоста овец казахской породы. У *киргизской овцы большой курдюк растёт*. 2. Казахская порода овец с жировыми наростами на хвосте. *Киргизские (казахские) овцы курдюками называются. Киргизы большие курдюков разводят*. 3. *Перен.* Задняя часть тела человека. У *ней курдюк большой. Трясёт здесь своим курдюком. Ну и сшила юбку, разве этой юбкой я свой курдюк обтяну* [6, с. 220]; *джибага, джебага – ирон*. Тяжёлая и неудобная верхняя одежда. *Вот надела джибагу, и повернуться нельзя. Уж бросил бы носить свою джибагу. Надрючил на себя джибагу и ходит*. (В баш. яз. ябага – весенняя шерстялинька) [6, с. 94] и др. В пользу корректировки смыслов свидетельствует, например, зафиксированное В.И. Далем слово *куян* (татарское, оренбургское) – заяц, ушкан [11, с. 230], которое первоначально, судя по оренбургским прозвищам, имело значение ‘одинокий, матерый заяц-самец’ [5, с. 65, 82]

Заключение

Следовательно, заимствования для обозначения названий еды, домашнего скота, природных особенностей, коннотативных названий детей, женщин и мужчин в русских диалектах [4, с. 19–22] убедительно показывают отношения между народами, ставшими соседями в результате освоения огромного края. Сконцентрированный в словарях В.И. Даля, Б.А. Моисеева и Н.М. Малечи иллюстративный материал, фиксирующий речь, а в ряде случаев культурно-исторические регистры народной памяти, убедительно показывает, как расширялась диалектная картина мира переселенцев на территории Оренбуржья за счёт заимствования бытовых и хозяйственных достижений соседних народов в области традиционного питания, одежды, обработки шерсти, строительства, освоения природных ресурсов и характеристики метеоусловий.

Определённая фрагментарность фиксации заимствований в говорах территорий позднего заселения [2; 3] не позволяет в полной мере прояснить

механизмы заимствования в каждом конкретном случае, однако «следы» межъязыковых контактов и введение в научный оборот новых материалов позволяет в какой-то степени восстановить то языковое богатство Оренбуржья, которое в своё время сподвигло В.И. Даля на «сбор запасов из живого языка, не из книг и без учёных ссылок» [11, с. XLVIII]. При этом следует подчеркнуть, что заимствования как часть системы оренбургских русских говоров предоставляют возможность определить модель организации новой диалектной картины мира и ту специфику смешения языков, которую И.А. Бодуэн де Куртенэ рассматривает как «начало всякой жизни как физической, так и психической» [16, с. 363].

© Бекасова Е.Н., 2025

Список источников

1. Нефедова Е.А. О региональных вариантах русской национальной картины мира / Е.А. Нефедова // Язык и метод. Русский язык в лингвистических исследованиях XXI века. – Краков, 2015. – Т. 2. – С. 257–264.
2. Bekasova Elena N. Linguacultural Interactions in Orenburg Region / Elena N. Bekasova // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences 2021 14(10): 1474–1485 р.
3. Мызников С.А. Оренбургская лексика на страницах «Словаря русских народных говоров» / С.А. Мызников // Девятые Моисеевские чтения: Материалы Международной научной конференции, посвящённой памяти кандидата филологических наук, доцента Бориса Александровича Моисеева. Оренбург, Оренбургский государственный педагогический университет, 22 ноября 2024 г. – Оренбург: Издательство: Оренбургская книга”, 2025. – С. 3-7.
4. Бекасова Е.Н. Языковое пространство Оренбуржья / Е.Н. Бекасова /Монография. – Brno: TribunEU, 2022. – 254 с.
5. Бекасова Е.Н. Лингвистическое краеведение Оренбуржья / Е.Н. Бекасова / Монография. – М.: МАКС Пресс, 2024. – 260 с.
6. Моисеев Б.А. Оренбургский областной словарь [послесл. Е.Н. Бекасовой] / Б.А. Моисеев. – Оренбург: ООО «Оренбургское книжное издательство имени Г.П. Донковцева», 2019. 516 с.
7. Малеча Н.М. Словарь говоров уральских (яицких) казаков. В 4-х т. / Н.М. Малеча. – Оренбург: Оренбургское книжное издательство, 2002-2003.
8. Абубакирова Л.Ф. Диалектное изучение русского языка в Оренбургском крае / Л.Ф. Абубакирова // Вестник ОГПУ, 2011. – № 4. – С. 17-24.
9. Мызников С.А. О лексических особенностях говора яицких (уральских) казаков / С.А. Мызников // Исследования по славянской диалектологии. Славянские диалекты в современной языковой ситуации. – М.: Институт славяноведения, 2018. – С. 24-36.
10. Якимов П.А. Русские говоры как отражение национальной ментальности. Научно-популярное издание / П.А. Якимов. – Оренбург: «Издательство «Оренбургская книга», 2017. – 157 с.
11. Даляр В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4-х т. / В.И. Даляр. – Т. 1. – М.: Русский язык, 2000. – 702 с.
12. Зеленин Д.К. О говоре оренбургских казаков / Д.К. Зеленин // Русский филологический вестник. 1905. Т. – LVI. № 3–4. С. 234–245
13. Годовова Е.В., Кобытов П.С. Рыбный промысел в повседневной жизни казаков (вторая половина XIX – начало XX в.) / Е.В. Годовова, П.С. Кобытов // Вестник Самарского

университета. История, педагогика, филология. – Т. 23. – № 4. – 2017. – С. 12– 16. DOI: 10.18287/2542-0445-2017-23-4-12-16.

14. Панченко А.М. Я эмигрировал в Древнюю Русь: Россия: история и культура / А.М. Панченко. – Санкт-Петербург: Изд-во журн. «Звезда», 2005. – 543 с.

15. Мартине А. Основы общей лингвистики / А. Мартине // Новое в лингвистике. – Вып. 3. – М.: «Прогресс», 1968. – С. 534–562.

16. Бодуэн де Куртенэ И.А. Избранные труды по общему языкознанию / И.А. Бодуэн де Куртенэ. – Т. I. – М.: Изд-во Академии наук СССР, – 1963. – 384 с.

References

1. Nefedova E.A. O regionalnykh variantakh russkoi natsionalnoi kartiny mira [On regional versions of the Russian national picture of the world]. Iazyk i metod. Russkii iazyk v lingvisticheskikh issledovaniakh XXI veka [Language and method. Russian language in linguistic studies of the XXI century], Krakow, 2015. – Vol. 2. – Pp. 257-264.
2. Bekasova Elena N. Linguacultural Interactions in Orenburg Region. Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences, 2021 No. 14(10). – Pp. 1474-1485.
3. Myznikov S.A. Orenburgskaia leksika na stranitsakh «Slovaria russkikh narodnykh govorov» [Orenburg vocabulary on the pages of the Dictionary of Russian Folk Dialects]. Deviatye Moiseevskie chtenii: Materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, posviashchennoi pamiati kandidata filologicheskikh nauk, dotsenta Borisa Aleksandrovicha Moiseeva [Ninth Moiseev Readings: Materials of the International Scientific Conference dedicated to the memory of the candidate of philological sciences, associate professor Boris Alexandrovich Moiseev]. Orenburg, «Izdatelstvo Orenburgskaia kniga», 2025. – Pp. 3-7.
4. Bekasova E.N. Iazykovoe prostranstvo Orenburzhia. Monografiia [Language space of the Orenburg region. Monograph], 2022, Brno: TribunEU. – 254 p.
5. Bekasova E.N. Lingvisticheskoe kraevedenie Orenburzhia. Monografiia [Linguistic local history of the Orenburg region. Monograph], 2024, Moscow: MAKS Press. – 260 p.
6. Moiseev B.A. Orenburgskii oblastnoi slovar [Orenburg Regional Dictionary], 2019, Orenburg: OOO «Orenburgskoe knizhnoe izdatelstvo imeni G. P. Donkovtseva». – 516 p.
7. Malecha N.M. Slovar govorov uralskikh (iaitskikh) kazakov. V 4-kh t. [Dictionary of dialects of the Ural (Yaik) Cossacks. In 4 volumes], 2002–2003, Orenburg: Orenburg Book Publishing House.
8. Abubakirova L.F. Dialektnoe izuchenie russkogo iazyka v Orenburgskom krae [Dialect study of the Russian language in the Orenburg Territory], 2011, Vestnik OGPU. – No. 4. – Pp. 17-24.
9. Myznikov S.A. O leksicheskikh osobennostiakh govora iaitskikh (uralskikh) kazakov [On the lexical features of the dialect of the Yaitsky (Ural) Cossacks]. Studies on Slavic dialectology. Slavic dialects in the modern language situation, 2018, M.: Institute of Slavic Studies. – Pp. 24-36.
10. Iakimov P.A. Russkie govory kak otzazhenie natsionalnoi mentalnosti. Nauchno-populiarnoe izdanie [Russian dialects as a reflection of national mentality. Popular science publication], 2017, Orenburg: «Izdatelstvo «Orenburgskaia kniga». – 157 p.
11. Dal V.I. Tolkovyi slovar zhivogo velikorusskogo iazyka v 4-kh t. [Explanatory dictionary of the living Great Russian language. In 4 vol.], 2000, M.: Russian language. – Vol. 1. – 702 p.
12. Zelenin D.K. O govore orenburgskikh kazakov [On the dialect of the Orenburg Cossacks]. Russkii filologicheskii vestnik [Russian philological bulletin], 1905. – Vol. LVI. – No. 3-4. – Pp. 234–245.
13. Godovova E.V., Kobyтов P.S. Rybnyi promysel v povsednevnoi zhizni kazakov (vtoraia polovina XIX – nachalo XX v.) [Fishing in the life of the Cossacks (second half of the XIX - beginning of the XX century)]. Vestnik samarskogo universiteta. Istoriiia, pedagogika, filologiiia

[Bulletin of Samara University. History, pedagogy, philology], 2017. – Vol. 23. – No. 4. – Pp. 12-16. DOI: 10.18287/2542-0445-2017-23-4-12-16.

14. Panchenko A.M. Ia emigrioval v Drevniuiu Rus: Rossiiia: istoria i kultura [I emigrated to Ancient Russia: Russia: history and culture], 2005, Sankt-Peterburg: Izd-vo «Zvezda». – 543 p.

15. Martine A. Osnovy obshchei lingvistiki [Fundamentals of general linguistics]. Novoe v lingvistike [New in linguistics], 1968, M.: «Progress». – Release 3. – Pp. 534-562.

16. Boduen de Kurtene I. A. Izbrannye trudy po obshchemu iazykoznaniiu [Selected works on general linguistics], 1963, M.: Publishing House of the USSR Academy of Sciences. – Vol. I. – 384 p.

**Бекасова Елена
Николаевна**

доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русского языка и методики преподавания русского языка, Оренбургский государственный педагогический университет, г. Оренбург, Россия
bekasova@mail.ru

**Bekasova Elena
Nikolaevna**

doctor of philology, associate professor, professor of the department of russian language and methods of teaching Russian, Orenburg State Pedagogical University, Orenburg, Russia
bekasova@mail.ru